

European Journal of Literature and Linguistics

Nº 1 2015

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2015**

European Journal of Literature and Linguistics

Scientific journal
Nº 1 2015

ISSN 2310-5720

Editor-in-chief	Erika Maier, Germany
Consulting editors	Julia Montoya, Spain Lidiya Shlossman, Russia
International editorial board	Paulina Marszałek, Poland Aureliu Ungureanu, Romania Regina Fülöpné, Hungary Christelle Cormier, France Kristýna Janečková, Czech Republic Olga Blinova, Ukraine
Proofreading	Kristin Theissen
Cover design	Andreas Vogel
Additional design	Stephan Friedman
Editorial office	European Science Review “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

European Journal of Literature and Linguistics is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. The Germanic languages

*Makoviichuk Liliana Vasilevna
Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University,
assistant of the department of Foreign Languages and Translation
Master of Philology
E-mail: lilianamakov@rambler.ru*

Nominative space of concept FRAU in a collection of stories by L. von Sacher-Masoch "Der Judenraphael"

Abstract: In the article the subject groups of the concept of *woman* are being analyzed. The allocation of the subject groups is based on the detection of different sides of the verbalized concept.

Keywords: subject group, noun, woman, verbalization

*Маковийчук Лилиана Васильевна,
Черновицкий национальный университет,
ассистент, факультет международных отношений
E-mail: lilianamakov@rambler.ru*

Номинативное пространство концепта FRAU в сборнике повестей Л. фон Захер-Мазоха «Der Judenraphael»

Аннотация: В статье анализируются тематические группы концепта *женщина*. Выделение тематических групп основывается на выявлении разных сторон вербализуемого концепта.

Ключевые слова: тематическая группа, существительное, женщина, вербализация

Данное исследование посвящено проблеме вербализации в сборнике повестей Л. фон Захер-Мазоха „Der Judenraphael“ одного из самых важных концептов FRAU (женщина) и построено на материале анализа гендерно маркированных лексических единиц. В рамках данной разведки мы выделяем тематические группы (далее — ТГ) концепта FRAU. Как основное выделяем следующее определение: «Тематическая группа — это ряд слов, которые в той или иной мере совпадают по своему основному семантическому содержанию, то есть по своей принадлежности к одному и том же семантическому полю» [1, 118]. Как указывает Ж. Вардзелашвили, исследуемая лексика тематически делится на группы, которые объединяют имена существительные, в зависимости от определенных типов денотатов. Она отмечает, что «тематические группы одновременно есть лексико-семантическими группами, поскольку

они ограничены принадлежностью к одной части речи — имени существительному» [2, 47].

В исследованных нами повестях мы выделили следующие ТГ концепта FRAU, для того чтобы установить оценочные характеристики лица мужской стати за такими параметрами:

1. В ТГ «родственные связи» мы рассматриваем названия женщин, которые пребывают в юридических или кровных связях с членами своей семьи. В тексте выявлено ряд лексем, которые вербализуют концепт FRAU: *Frau* (37), *Mutter* (22), *Tochter* (17), *Weib* (15), *Schwester* (7), *Schwägerin* (6), *Mame* (3 ЛО), *Nichte*, *Cousine*, *Schwiegertochter* (1 ЛО). Стоит отметить, что в исследуемом тексте существительные *Frau* и *Mutter* употребляются чаще остальных. Женщина — олицетворение красоты, обаяния, всегда в красивой одежде и с хорошим настроением: «*Alle ... Frauen schön oder doch hübsch, alle*

schauten uns halb erstaunt, halb lächelnd mit ihren großen, schwatzen Samtaugen an, alle waren in seidene Schlafrocke gekleidet, welche mit kostbarem Pelzwerk besetzt und gefüttert waren» [3, 19]. Однако женщины в описываемом произведении, где речь идет о жизни еврейской общины, слишком зависимы от жизни мужчин. За законами Моисея причиной развода могла быть только измена жены, а для православных евреев, которые перефразировали слова пророка, причиной для развода мог стать даже пересоленный суп: «*Die Karäiten erlauben deshalb die Entscheidung nur im Falle des Ehebruchs von seiten der Frau, während die orthodoxen Juden ... sogar dann gestatten, die Frau fortzuschicken, wenn sie ihm die Suppe versalzen hatte»* [3, 26]. Однако каждый мужчина заботился о своей жене: «*... wie dieser Mann für die Frauen seiner Familie, seine alte Mutter, seine Frau und seine Schwester sorgte»* [3, 31]. Случалось, что жена была главой семьи, это зависело от ее характера (сильная, волевая) и слабой воли ее мужа: «*Am folgenden Tage ... befahl ihm seinen Frau, zu Kalinoski zu gehen ...*“ [3, 253]. Поскольку в семье среди представителей женщин наибольшим уважением и любовью пользуется, прежде всего, мать, то частое употребление в произведении этой лексемы не вызывает вопросов. По мнению автора, для сына мать — самая главная женщина в жизни, которой хочется делать добро, дарить радость, цветы: «*... brachte er seiner Mutter einen Strauß und einen zweiten seiner Schwester, ...*» [3, 41]. Однако не всегда мать или сестра имеют положительную характеристику. Иногда они могут унижать близких и родных им людей: «*Seine Schwester bezahlte ihr Bildnis mit einer kräftigen Ohrfeige. ... seine Mutter sperrte den ... Künstler zum Dank ... in das Ofenloch»* [3, 43] и гордится другими: «*... wie stolz blickte Frau Famojlenko auf ihre Tochter, ...*» [3, 44]. Преимущественно негативная коннотация и у существительного *Schwägerin*. Автор изображает невестку слишком гордой, не готовой помогать семье, такой, что не всегда уважает окружающих: «*... weder mein Bruder hat mir geholfen, noch meine Schwägerin ...*“ [3, 284]. Реже всего в тексте встречаются существительные *Nichte*, *Cousine*, *Schwiegertochter*, вероятно, потому, что они не играют особой роли в жизни

того или иного семейства, в произведении они ситуативные персонажи.

2. ТГ «*профессиональная деятельность, род занятий*» объединяет такие существительные: *Bäuerin* (3), *Schnitterin*, *Meisterin*, *Kammerjungfer* (2), *Richterin*, *Köchin*, *Krämerin*, *Sklavin*, *Schauspielerin*, *Aktrice* (1). Такая частота употребления обусловлена распространением этих профессий в обществе. Понятно, что среди женщин того времени не было много актрис, женщин-продавцов и адвокатов. Обычно, продажей и судейством занимались мужчины. Вот почему существительное *Richterin* в тексте употребляется только в переносном значении: женщина, которая вершит судьбу своих крестьян, является разумной и гордой, воспринимается без сомнения положительно. Кроме того, большая часть населения в то время занималась сельским хозяйством, поэтому таких существительных, как *Bäuerin*, *Meisterin*, *Schnitterin* зафиксировано вдвое больше, чем *Richterin* и *Kammerjungfer*. Однако автор описывает не только трудолюбие женщин-крестьянок, но и их красоту: «*Das ist die schönste Bäuerin, die ich noch in meinem Leben gesehen habe*“ [3, 83]. Перечень приведенных выше профессий указывает на существование традиционных видов деятельности, связанных с гендерной асимметрией: домашние дела, кухня, стирка, приготовление пищи — этим занимались исключительно или преимущественно женщины: *Schnitterin*, *Meisterin*, *Köchin*. Большинство существительных ТГ имеют нейтральную коннотацию, только лексема *Sklavin* имеет ярко выраженную негативную оценочную характеристику. Однако эта лексическая единица используется в текстовом корпусе всего один раз. Лексемы *Schauspielerin* и *Aktrice* несут в себе негативную коннотацию, но она слабо выражена, не слишком ярко, однако мы делаем вывод, что к женщинам такой профессии относились все же негативно.

3. В группу «*положение в обществе*» относим такие существительные: *Frau* (36), *Baronin* (16), *Frau* (госпожа) (12), *Madame* (4), *Prinzessin*, *Königin*, *Gräfin*, *Herrscherin*, *Edelfrau*, *Gnädige* (2), *Zarin* (1). Наиболее частотной лексемой в этом перечне стали существительные *Baronin* и *Frau* (госпожа). Это богатые, обеспеченные женщи-

ны, которые могут заказать нарисовать свой портрет, употребляют в своей речи французские фразы, что указывает на их высокий статус: «*Ich will ... kein einfaches Brustbild, ich bezahle ... den Pelz, den die Baronin..., à tout prix haben will*» [3, 52]. Однако простые люди не любили так называемых господ, они высмеивали их внешность (нос, тучность, тщеславие): «... *die adlernasige Baronin*»; «*Die Baronin, meine Frau ... ist nicht korpulent sondern üppig*» [3, 51]. Госпожа обычно показывает свою злую натуру: «*Frau Axamit war eine üppige, glühende Schönheit ..., lächelte sie zugleich süß und böse*» [3, 55]. Существительные имеют соответственно негативную и нейтральную коннотации. В тексте реже встречаются лексемы *Prinzessin, Königin*, поскольку они не были привычными в повседневной речи простых людей, хотя в сознании народа того времени данным понятиям присуща положительная коннотация. Принцессы и королевы — женщины красивые, богатые. Существительные *Sultanin, Baronesse, Fürstin, Zarin, Aristokratin, Dame, Präsidentin* встречаются в тексте только один раз. Хотя эти существительные редко функционируют в произведениях, они имеют положительную коннотацию. Такие женщины — это воплощение всего прекрасного и хорошего. Понятно, что понятие *Sultanin, Baronesse* были «заморскими» и новыми для простого люда, поэтому употреблялись редко. А существительное *Aristokratin* заменялось простым и привычным для всех словом *Edelfrau*, в значение которого входили почти все названия женщин с определенным господствующим статусом. Производная же лексема *Präsidentin* от существительного мужского рода *Präsident* звучала для того времени претенциозно. Женщину сравнивают с царицей, ее одежду — с королевскими нарядами, вокруг нее — ореол: «... *Anitza ... in der ... purpurner Schuba einer Zarin von Kiew, mit der Krone auf dem Kopfe und dem byzantischen Heiligenschein*» [3, 54].

4. ТГ «национальность» представлена такими лексемами: *Jüdin* (12), *Polin* (2), *Deutsche, Armenierin* (1). Самым частотным оказалось существительное *Jüdin*. Автор отзывается иронично о евреях, которые, не замечая национальных внешних черт, а именно: свиного носа и немного

сгорбленной спины, всегда считали своих детей красивыми и умными: «*Hast du je gehört, daß ein Judenkind nicht schön war? Alle sind schön, wenn sie auch Nasen haben wie Eulenschnabel und einen Rücken wie ein Dromedar*» [3, 86]. Однако ирония перерастает в восхищение неземной красотой девушки-еврейки: «*Nie hätte ich gedacht und niemandem geglaubt, daß ... eine Jüdin so sein kann*» [3, 95]; «*So ein Mädchen, ein Wunder ...*» [3, 96]; «... *Verstehe ich nicht, daß Sie Jüdin sind*» [3, 101]. Польки, жители Польши, которая граничит с Западной Украины, не могли быть не упомянутыми в произведении. Лексема *Polin* имеет нейтральную коннотацию и не несет в себе никаких оценочных характеристик.

5. Два существительные формируют ТГ «вероисповедание»: *Jüdin* (5), *Christin* (1). Хотя и среди евреев были христиане, существительное, которое обозначает именно эту веру, находим в тексте всего один раз. Цадик, еврейский священнослужитель, не верит в то, что христианке хватает ее веры: «*Du bist eine Christin ..., wie soll ich dir raten ..., wenn dir der rechte Glauben fehlt!*» [3, 265].

6. ТГ «признак преступности» представлена только одним существительным *Verbrecherin* (1). Лексема для обозначения преступных действий женщины противопоставлена прилагательным лексемам, которые аннулируют для нас незаконные действия женщины и заставляют сочувствовать ей: «... *eine Verbrecherin ..., die stets eines so sanften redlichen Herzens war ...*» [3, 169].

7. В ТГ «отрицательные характеристики» засчитано лексему *Betrügerin* (1). Еще одна негативная сторона женщин описана в произведении, когда женщина может говорить неправду: «... *wie sie kann lügen, die Betrügerin!*» [3, 285].

8. ТГ «сказочно-мифические существа» объединяет лексемы, изображающие мифических, сказочных существ, с которыми сравнивают женщину: *Ariadne, Frauenzimmer* (2), *Teufelin, Liebesgöttin, Wasserfrau, Fee, Muse* (1). Чаще всего употребляется лексема — *Ariadne*, в древнегреческой мифологии дочь царя Миноса. Ариадна — сильная женщина, которая в известном произведении Даннекера изображена на пантепе: «*Ariadne ist auf einem Panther geritten, und ich*

bin lange noch kein Panther» [3, 125]. Существительное *Wasserfrau* встречается в произведениях всего один раз. Оно обозначает мифическое существо женского рода — русалку. Кроме того, автор употребляет еще одну лексему — *Fee*, которая описывает сказочный образ, который способен творить чудеса, приносить подарки и имеет исключительно положительную коннотацию: «*Die Fee mit der Wunderblume, die an seiner Wiege erschienen war, hatte ihm ein herrliches, aber unseliges Geschenk in dieselbe gelegt»* [3, 42]. Лексема *Muse* символизирует новизну творчества, естественность ощущений, источник народной поэзии: «*... seine Muse ... gesunde Frische, Natürlichkeit der Empfindung ... Quelle der Volkspoesie»* [3, 82]. Лексема *Frauenzimmer* (гр. баба) употребляется в тексте как синоним к слову баронесса. Такая параллель вызывает у женщины недовольство, ей не нравится, что простая девушка чем-то лучше нее: «*Dieses abgetragene Frauenzimmer, das eher häßlich als hübsch zu nennen war, hatte ein Paar Hände, die geradezu wunderbar waren»* [3, 52]. Женщинам запрещали танцевать с мужчиной и даже сама мысль об этом вызвала негативную реакцию, тогда для обозначения женщины использовалось грубое *Frauenzimmer*: «*Es ist doch nicht erlaubt bei uns Juden, zu tanzen einem Manne mit einem Frauenzimmer»* [3, 139].

9. Два существительных образуют ТГ «признак божественности»: *Madonne* (4), *Heilige* (1). Наивысшую позицию занимает лексема *Madonne* с четырьмя упоминаниями в тексте. Поскольку уважение к Божьей Матери, Мадонне всегда была большой, понятно, что именно этот образ чаще упоминается авторами, когда речь заходит об особой женщине, и сравнение простой девушки с Мадонной указывает на высокую оценку: «*...die Tochter eines Gastwirtes ... als Madonna verewigt wird»* [3, 54].

10. ТГ «возрастной признак» представлена такими лексемами: *Weib* (61), *Frau* (женщина) (37), *Mädchen* (28), *Magd* (7), *Fräulein* (4). Самыми частотными оказались существительные *Weib* и *Frau*, и это свидетельствует о том, что во времена написания исследуемых нами произведений слово *Weib* еще не приобрело негативной маркировки (баба) и употреблялось (как видно из разни-

цы в частоте употребления) как синоним к слову женщина (*Frau*). Однако, хотя существительное и не имело отрицательного значения, само отношение к женщине в этот период не отличалось уважением и почетом. Оскорбительным было бы для мужчины услышать, что он такой, как женщина. Такое сравнение умаляет его в глазах других мужчин: «*... sprechen wir auch nicht weiter mit dem Weibernarr»* [3, 93]. Даже определяя женщину умной, мужчины не считают ум женщины положительной чертой: «*... dieser scharfe Verstand, der die Frauen sonst häßlich macht, Sie noch verschönert»* [3, 101]. Считалось, что в мир с женщинами пришло зло: «*... weil mit dem Weibe zugleich der Satan in die Welt gekommen ist»* [3, 126]. Для евреев женщина — слабая половина человечества, однако иногда рядом с ней мужчина чувствует себя не таким сильным: «*Abraham lag ... einem Weibe, dem schwächeren Teil des Menschengeschlechtes, im Schoße ... »* [3, 92]. Существительные *Fräulein* и *Magd* в исследуемый нами период были повседневными словами, а вот в современном немецком языке употребляются очень редко. Их «заменителем» стало существительное *Mädchen*, которое и в нашем исследовании занимает высокое третье место. Существительное *Mädchen* номинирует молодую особу женского пола, ее характерными признаками внешности являются заплетенные косы. Девушки любили украшать себя бусами из жемчуга: «*... , die Mädchen lange Zöpfe, mit Perlen durchgeflochten»* [3, 19]. Кроме того, автор противопоставляет лексемы *Mädchen* и *Weib*, одна трогательная, другая — грешная: «*... so süß, so rührend wie ein liebendes Mädchen und so leidenschaftlich und verlockend wie ein sündhaftes Weib»* [3, 61]. Девушка сравнивается с природой, она такая же цветущая: «*Die Natur war jetzt nicht mehr das blühende Mädchen ... »* [3, 124]. Еще один признак девушки представленный в произведении: «*... errötend wie ein Mädchen»* [3, 314]. Смерть ассоциируется у автора с хорошей, улыбчивой девушкой, поэтому она не вызывает негативных эмоций: «*... ich sehe dich kommen, ein holdes Mädchen, mit einem Lächeln ... »* [3, 156].

11. ТГ «отношения с мужчинами» представлена только одной лексемой *Braut* (7). Невеста красивая, как избранница самого короля, гордая,

как королева, созданная Богом для любви: «*Wie die Braut eines Königs ... Gott, der geschaffen hat Braut und Bräutigam zur Lust und Freude ...*» [3, 179]; «*Sie ist gleich der Braut des hohen Liedes ...*» [3, 174].

Итак, в сборнике повестей Л. фон Захер-Мазоха "Der Judenraphael" мы выделили одиннадцать ТГ, которые изображают женщину конца XIX века. Самые частотные ТГ — по возрастному признаку (137), родственным связям (110), положению в обществе (80), национальности (16) и по роду занятий (15). У Л. фон Захер-Мазоха женщина изображена преимущественно с нейтральной коннотацией, она остается без конкретного описания, она фон для описания мужчины, его деяний. Положительной характеристики приобретают номинации женщин, употребляемых в качестве сравнения с чем-то прекрасным и недо-

стижимым: *Prinzessin, Königin, Heilige* (принцесса, королева, святая). Оценочные номинации выражение концепта FRAU включают в себя преимущественно положительную характеристику женщин: женщина обычно красивая, молодая, умеет хорошо одеваться, любящая. Нами обнаружено всего несколько лексем, указывающих на женщину с отрицательной стороны: иногда женщина слишком болтливая, надменная, злая, завистливая. В исследуемом тексте мы обнаружили небольшое количество гендерно маркированных лексем, которые несут в себе оценочную характеристику лиц женского пола. Из этого следует вывод, что для Л. фон Захер-Мазоха в произведении женщина играет вспомогательную роль, она является фоном для описания главных героев-мужчин, а сама остается в тени.

Список литературы:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 1966. – 608 с.
2. Вардзелашвили Ж. Тематические группы метафорических номинаций в русском языке / Ж. Вардзелашвили // Санкт-Петербургский государственный университет и Тбилисский государственный университет. Научные труды. Серия: филология. – СПб-Тб., 2001. – Вып. I. – С. 47–51.
3. Sacher-Masoch L. von. Der Judenraphael. Geschichte aus Galizien / L. von. Sacher-Masoch. – Wien, Köln-Graz (Österreichische Bibliothek): Böhlau Verlag, 1989. – 495 S.

Section 2. Journalism

*Semenko Svitlana Vasylivna,
V.G Korolenko National Pedagogical University of Poltava,
Professor at the Department of Journalism
E-mail: SvitlanaSem@ukr.net*

Coverage of major trends in Western European literature of 20–50-ies of 20th century in literary and journalistic reviews of Yurii Kosach

Abstract: The article analyzes literary and journalistic reviews of Yurii Kosach about the main trends of development of foreign literatures in the light of the functioning of Ukrainian literature. The main attention is focused on mastery of publicist to single out the most characteristic features inherent to the literature of analyzed country.

Keywords: Yurii Kosach, literary and journalistic review, world literature, crisis of postwar literature, émigré Ukrainian periodicals.

*Семенко Светлана Васильевна,
Полтавский национальный педагогический университет
имени В. Г. Короленки, профессор кафедры журналистики
E-mail: Svitlanasem@ukr.net*

Освещение основных тенденций в западноевропейской литературе 20–50-х годов XX века в литературно-публицистических обзорах Юрия Косача

Аннотация: В статье анализируются литературные и журналистские обзоры Юрия Косача об основных тенденциях развития зарубежной литературы в свете функционирования украинской литературы. Основное внимание сосредоточено на мастерство публициста, чтобы выделить наиболее характерные черты, присущие литературе анализируемого страны.

Ключевые слова: Юрий Косач, литературный и журналистский обзор, мировая литература, кризис послевоенной литературе, эмигрантской украинские издания.

Известный украинский публицист Юрий Косач, продолжая в журналистике традиции своего славного рода Драгомановых-Косачей, на страницах эмиграционной периодики в литературно-публицистических обзорах поднимает актуальные мировоззренческие проблемы. Неизменной для этой жанровой разновидности культурологической публицистики Ю. Косача есть «украинская нотка», поскольку он стремился к тому, чтобы украинская литература развивалась в едином общеевропейском культурном процессе.

Впервые этот жанр появился в журналистской практике Косача в период его сотрудничества с украинским журналом «Нація в поході», который выходил в Берлине до начала Второй мировой войны. В одном из первых литературно-публицистических очерков «Новейшая литература Финляндии» журналист анализирует творческую деятельность молодой финской литературной генерации, что расцвела после провозглашения независимости Финляндии в 1917 году, когда прошел период тяжелого периода организации государства. Критик поддерживает ориентацию

финских писателей на лучшие европейские литературные веяния, отмечая, что молодая финская литература испытала на начальном этапе своего развития многие, порою негативные, внешние влияния современной европейской культуры, космополитизма, формалистических течений. Юрий Косач акцентирует внимание на том факте, что «против заграничных влияний активно действует реакция здоровых национальных сил, и уже в 1930–32 гг. литература Финляндии возвращается снова к истокам, приобретает свое собственное лицо» [3, 26]. Подобные высказывания о роли сохранения национальной традиции в процессе усвоения лучших инонациональных культурных влияний встречаем и в его публикациях, где предметом исследования есть пути обновления украинской литературы XX века в новых геополитических условиях. Среди лучших писателей Финляндии Косач называет Вольтера Кыльпы, Йири Уурто, Ёеля Легтона. Наиболее значимым национальным писателем страны публицист считает Франца Эмиля Сыллямпее, который писал произведения, «приближаясь к первичным и живым источникам национально-племенной действительности» [3, 26]. Юрий Косач, отмечая широкий тематический спектр финской литературы, ее новаторские поиски на стилевом и жанровом уровне делает вывод: «Завоеванная независимость дала возможность Финляндии изъяснить ярко свою творческую мощь и помогла финской молодой литературе внести в общечеловеческую сокровищницу подлинные ценности» [3, 27]. Видим, что государственная независимость для публициста является одним из основных факторов обновления литературы, ее полноценного самобытного существования.

На страницах газеты «Українська трибуна» в 1947 году Юрий Косач напечатал литературно-публицистическое обозрение «Кое-что об искусстве современной Англии», в котором так же проанализировал творчество английских художников слова с позиций национальной литературной традиции. Публицист, начиная обозрение из сентенции: «английские писатели малоприметные, может быть, с расового неприятия всевозможных двухзначных ситуаций», прибегает к разбору отношения английских писателей ранних генераций

к собственной популярности. Симптоматичным явлением для английской ментальности, по мнению Косача, была некоторая мифичность вокруг персоны автора, поскольку «английский писатель редко покидает свою незримость, свою «блистательную изоляцию». Именно такие писатели-мифы есть более талантливыми от официальных, публичных творцов литературы, «субсидированных государством и обязанными представляться королеве» [2, 4]. Косач целиком справедливо репрезентирует модель английской литературы: традиция ↔ критика. Английская традиция, за наблюдением автора обозрения, с одной стороны, консервативное понимание литературы как классово-кастового явления; со второй — общенациональное направление литературы на создание художественного культа империи. Юрий Косач считает, что, невзирая на стремление английских писателей новой генерации отойти от традиции, они в конечном результате возвращаются к истокам национальной литературы — «традиция побеждает эксперимент и критицизм <...> традиция незаскорузлости, а традиция как самооборона, как залог будущего» [2, 4].

В публикации Юрий Косач весьма четко характеризует такие специфические черты английской литературы: аристократизм, что отображает дискретность элиты; феномен появления целой плеяды талантливых католических писателей в не католической стране; добродушная сатира и здравый юмор, как основа многих произведений.

Публицисту импонирует, что в английской литературе очень мало пессимистических произведений, а отдельные творения периода между двумя войнами, в которых чувствуются моменты пессимизма (проза Селина, драматургия Ануи), не имели большой популярности и были скорее исключением относительно до установившейся литературной традиции.

Юрий Косач убежден, что после трагических событий Второй мировой войны английская литература порадуется новыми достижениями, основанными на лучших национальных традициях: «Может наше столетие будет расцветом нового эпического стиля, пространный роман с улыбкой Стерна, может с визионерского театра

ирреальностей, вызванного видением Дж. Миллингтона Синажа, появится новый Шекспир. Английский гений в литературе еще не сказал своего последнего слова, но его дыхание волнуется: это реальность здоровая, полная жизни и драгоценно богатство мечтаний» [2, 5]. Безусловно, Юрий Косач, выделяя свойственные английской литературе черты, показывает творцам украинского культурного процесса на эмиграции определенные литературные модели, которые могут помочь и украинской литературе на пути ее обновления и вхождение в мировое литературное пространство.

В послевоенный период Юрий Косач публикует богатое на факты литературно-публицистическое обозрение «Дух неутомимый и неутомимый. Кое-что о литературе современной Франции», где высоко оценивает достижение одной из наиболее уважаемой им литературы Западной Европы. Самобытными достоинствами литературы Франции, по мнению обозревателя, есть высокая продуктивность по созданию качественных художественных произведений, непрерывность литературного процесса, консеквентный экспериментаторский дух, всеобъемлющая гуманистическая атмосфера. Привлекает Косача и специфика писательской деятельности французских литераторов, наличие многочисленной аудитории с высоким уровнем читательской культуры: «Это и есть победа книги, это есть то, что литература стала во Франции неотъемлемой частью цивилизации, что письменность там стала потребностью всего общества вплоть до наиболее низких шаров, и именно это обстоятельство обостряет писательские индивидуальности...» [1, 5]. Косач делает целиком логическое замечание о том, что такое возможно только при условии, когда книга есть «открытием». Примером такого писателя-новатора называет публицист Франсиса Карко, который преподнес читательской аудитории «мир монмартского шума», выборол «право гражданства монмартскому уличному диалекту — аргю». Анализируя специфические черты французской художественной письменности, Косач отмечает, что в произведениях даже истинно католических писателей «центром внимания стал человек, в котором

писатель, как в творении Божиим, открывает Бога» [1, 5]. В обозрении лапидарно характеризуются знаковые мастера красной письменности послевоенной Франции. Одним из первых Ю. Косач аттестует А. Мальро — творца идеи «трагического гуманизма», который продемонстрировал мировому читательскому сообществу «неслыханную силу стиля» и «несравненную пластичность образа». Интересные акценты сделаны и по поводу литературной школы Р. Роллана, к которой публицист зачисляет Ж. Дюгамеля, Ж. Ромена, М. дю Гара, писателей, какие в своих произведениях остаются «спокойными, иногда ироничными, но пассивными малярами жизни, людей и пейзажей», без малейшего намека на открытие и эксперименты. Позитивные аттестации получает также творчество интеллектуалов старой генерации Поля Валери и Андре Жиля. Особенный акцент Косач делает на литературных достижениях молодого поколения французских писателей в плане освоения новой тематики и создания современных человеческих типов. Яркими представителями нового поколения художников слова «полных преобразующей силы» и «свершения долга» названо в обозрении Анри де Монтерляна, Поля Морана, Блеза Сандрарса. Косач обратил внимание в публикации и на творчество писателей-экзистенциалистов Поля Сартра, Симоны де Бувуар, Альберта Камю, Жана Ануи, которые стремились показать довоенному и послевоенному западноевропейскому обществу абсурдность бытия, разрушали привычную иерархию ценностей. Без ложной патетики дана высокая оценка мастерству французских писателей создавать на высоком эстетическом уровне, даже в экстремальных условиях войны, произведения «сопротивления», минуя злободневный пропагандистский характер. В этом аспекте Косач выделяет факт непрерывной традиции, которая заключается в высоком уровне общественной ответственности французского писателя перед своей читательской аудиторией, перед собственным народом: «Идеологические догмы и искания — католические, социалистические, экзистенциалистские, монархические — да, но только через художественный образ. Ясность и лад — два основных традиционных принципа французской

литературы. Баламутных и хаотично-неопрятных книг французы не любят; писатель обязан знать, что каждому, открывает» [1, 5]. В перцепции Косача французские писатели органично синтезируют гуманизм и революционность, а литература Франции, «сегодня, как и во все времена представляет пеструю панораму различных исканий формы и содержания, духовных течений», влияя на мировой культурный процесс.

Таким образом, Ю. Косач, несмотря на свой часто резкий и категорический публицистический стиль, высказывает и позитивные оптимистические прогнозы относительно возникновения на полях послевоенной Европы новых талантливых произведений, новой художественной стилистики, которая отвечала современным требованиям европейского общества, в том числе и украинского.

Список литературы:

1. Косач Юрий «Дух неутомимый и неутомный. Кое-что о литературе современной Франции»/Юрий Косач Українська трибуна. – Мюнхен – 1947. – 18 мая. – С. 5.
2. Косач Юрий Кое-что о современном искусстве современной Англии/Юрий Косач//Українська трибуна. – Мюнхен – 1947. – 27 апреля. – С. 4–5.
3. Косач Юрий Новейшая литература Финляндии/Юрий Косач//Нація в поході. – Берлін – 1938. – № 16–17. – С. 26–27.

Section 3. Literature of peoples of foreign countries

Bratel Olena Mykolaivna,
Ph.D. in Linguistics, Assistant professor, Department of Foreign Languages
of the Faculties of History and Philosophy,
Institute of Philology, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine
E-mail: olenadorokhova@bigmir.net

Key images of the Argentinean poetry of the early XX century

Abstract: The article studies the peculiarities of the verbalization of the main concepts in the Argentinean poetry of the early XX century. The poetic images of the Pampa, the city, the conventillo and the tango are considered to be the key images of the mentioned period.

Keywords: the image, the Argentinean poetry, the early XX century, the Pampa, the city, the conventillo, the tango.

Every poetic piece of art is a reflection of culture. While creating a poem, the author processes reality through his or her own particular philosophy of life and the national language picture of the world [7, 21]. Although the poetry reveals the reality through the special individual perception, it reflects not only the author's subjective understanding of the world embodied in the language, but also the objective reality. The poetic picture of the world reflects the individual poet's concepts as well as the ethno specific and universal concepts [6, 57].

The poetry reflects simultaneously the objective reality and the author's attitude to the events and facts of reality, as well as his her thoughts and feelings, formed under the influence of the national and cultural characteristics of the society in a certain historical period [7, 20]. The verbalized image of the world built in the minds of the members of a particular ethnic group represents culture, and it changes at the same time as the culture does.

The aim of this article is to outline the peculiarities of the reflection of the main concepts of the Argentinean culture of the early XX century in the Argentinean poetry of the mentioned period. The early XX century is characterized by the gradual expansion of the conceptual space of the Argentinean poetry due to the emergence of new meanings, values in the culture of Argentina of that time as well

as ethnical and cultural impact of the new concepts on the traditional culture.

The most widespread image in the Argentinean poetry of the early XX century is the image of the Pampa. The word "pampa", which comes from the Quechua language, means a broad plain with low vegetation [4, 758]. The ethno-cultural concept PAMPA plays a key role in the Argentinean national picture of the world. This concept embodies the Argentinean understanding of the space that has such characteristics as immensity, openness and freedom of movement [5, 172].

A substantial number of images is based on such conceptual characteristics of the concept PAMPA as immense space, infinity and immeasurability: "*Deja de ser eterna lejanía... Nunca permitas, campo, que se agote/nuestra sed de horizonte y de galope*" (Oliverio Gironde, Campo nuestro), "*¡No hay límite!.. la niebla se desprende,/y a su paso se aleja el horizonte*" (Rafael Obligado. La pampa), "*Aquí también. Aquí, como en el otro/Confín del continente, el infinito ahí arriba suspendidos en la inmensidad el Universo/y abajo la inmensidad de la pampa y tanto espacio empieza/a curarlo' el pecao*" (Leónidas Lamborghini. La cura' el mate), "*Y el campo abierto con la luna a lo lejos a la derecha*" (Rodolfo Enrique Fogwill. El ingeniero Alvaro de campos maneja "su" Chevrolet en la ruta a Sintra).

The combination of the elements of the religious and mythological worldview in the Argentinean poetry is demonstrated in the images that describe the Pampa as God by means of addressing the Pampa as the Christians usually address God, using the second person singular: “Pampa: ... *te desgarran ... estás en los cielos*” (Jorge Luis Borges. *Al horizonte de un suburbio*), “¿Me *demandas?* ... *algo tuyo me levanta ... Te veo y me estremezco: mi alma siente/que tu misma grandeza la aniquila*” (Rafael Obligado. *La pampa*). The image of the Pampa as God is also formed by allusions to “The Lord’s Prayer”: “*A veces soledad, otras silencio,/pero ante todo, campo: padre-nuestro*” (Oliverio Girondo. *Campo nuestro*), “*Pampa sufrida y macha que ya estás en los cielos*” (Jorge Luis Borges. *Al horizonte de un suburbio*).

In the early XX century the Argentinean nation has become a multinational unity looking for its national identity due to the rapid development of cities, a significant increase in population caused by the European immigrants, contacting and mixing of different types of cultures, mentalities, attitudes, customs and traditions [3]. At that time the image of the gaucho with positive connotations appears in the Argentinean poetry. This image existed in the poetry in the previous century as well, but it had mostly negative characteristics. At the beginning of the XX century the image of the gaucho became a part of the Argentinean self-identification.

The image of the gaucho is closely related to the image of the Pampa. The gaucho is a tamer of horses who lives and works in infinite space of the Pampa. In the early XX century the gaucho has become a national symbol, a kind of a mythological hero. The poetic image of the gaucho is created by using numerous attributes with positive connotations: “*Símbolo pampeano y hombre verdadero./Generoso guerrero,/amor, coraje,/¡Salvaje!/Gaucho, por decir mejor./Ropaje suelto de viento,/protagonista de un cuento/vencedor./Corazón/de afirmación*” (Ricardo Güiraldes. *Al hombre que pasó*).

In the poetry the image of the gaucho is frequently based on the hyperbole with biblical allusions when the gaucho is described as an embodiment of God: “*aquel ... que rige a los hombres de la llanura/y los trabajos y los días/y las generaciones de los toros*” (Jorge Luis Borges. *Dulcia linquimus arva*),

“*El domador Celedonio Barral/Domó en la pampa todos los caballos*” (Leopoldo Marechal. *Epitafios australes*), “*Por el brazo derecho que recoge la luz/y por la mano izquierda que sostiene la nave... domador de alazanes,/quiere hacer de la tierra su timbal*” (Leopoldo Marechal. *El canto de alegría*).

In the early XX century the social reality in Argentina changed that led to the appearance in the poetry of the realization of the concept CITY which is based on such characteristic as the limited and closed space. The image of the city is usually opposed to the image of the Pampa as the immense and unlimited space. Taking into account the echoes of the mythological worldview in the Argentinean poetry, the city can be described as a hostile space opposed to the Pampa as a place of harmonious human existence [5, 162–165]: “*Olvidada pureza ... ese dolor de Buenos Aires... Ah, la ciudad la pudre y equívoca/Pequeña vida que dolor provoca*” (Alfonsina Storni. *Frente al mar*), “*Una plaza, como tantas,/en una ciudad vulgar*” (Rafael Alberto Arrieta. *Canción ingenua*), “*la ciudad los recupera hipócrita/y les impone los deberes cotidianos*” (Julio Cortázar. *Los amantes*), “*cómo quisiera rescatar/ese dolor de Buenos Aires, esa espera sin pausas/ni esperanza*” (Julio Cortázar. *After such pleasures*).

A city in the Argentinean poetry is described as a limited space that suppresses a person: “*el horizonte estrecho/de la ciudad nativa*” (Rafael Obligado. *Echevarría*), “*para encerrar mi vida/en la estrecha ciudad*” (Rafael Obligado. *El hogar paterno*), “*¡Que pueda libertarme de su peso!*” (Alfonsina Storni. *Frente al mar*). A city also can be shown as an ill person: “*el vigilante de la esquina detiene de un golpe de batuta/todos los estremecimientos de la ciudad*” (Oliverio Girondo. *Pedestre*), “*en una delirante actividad sin rumbo,/inútil,/arbitraria,/febril,/idéntica a la fiebre/que sufren las ciudades*” (Oliverio Girondo. *Solo*).

The cultural and historical changes led to the development of the poetic images that verbalized new concepts, for example, the concept CONVENTILLO. The Argentinean city of the early XX century is impossible to imagine without such Argentinean phenomenon as the conventillo — a multi-family dwelling of immigrants in the poorest parts of cities [4, 68]. The word “conventillo” is formed by the nonspecific derivation from the word “convento”

(“monastery”), and the evaluative suffix is used in the function of a derivative suffix.

The word “convento” implies the security of a person in a monastery and the subordination to certain strict rules, while the word “conventillo” connotes people of different nationality living together in a small limited space: “A la luz de tu farol cansado,/conventillo/yo también quiero cantar/tu cosmopolitismo abigarrado” (Raúl González Tuñón. Poema del conventillo), “Cada uno habla allí su propia lengua,/no sea que otro la entienda” (Jewel Katz. En el conventillo). The multinationality of the image of the conventillo is shown by the use of proper names that denote nationality: “Me procuro primero un compadrito/un ruso, un francés, un cocoliche,/una vieja chismosa, un garabito,/un conventillo, una calle y un boliche” (Carlos Paoli. Sainetes argentinos), “La escena representa un conventillo./Personajes: un grébanu amarrere,/un gallego que en todo se entromete,/dos guapos, una paica y un vivillo” (Vacarezza. Soneto).

In the early XX century the tango — a specific product of the Argentinean culture associated with immigration and assimilation processes — appears and quickly becomes one of the key concepts actualized in the Argentinean poetry of that period. Tango is a piece of poetry, a song and a dance that reflexes not only contradictory relationships between men and women, but also complex processes of intercultural synthesis of many nations in the geographical area of Argentina.

Tango was widespread in the overcrowded poor neighbourhoods on the outskirts of Buenos Aires, whe-

re there were many immigrants from Europe. Tango is not just an Argentinean phenomenon, it is a unique phenomenon that was typical for the capital, Buenos Aires, which is described by the word “porteño” in the poetry: “Recuerdo las fiestas suburbanas/en los amplios patios porteños/... El tango temblaba su emoción/en la vigilia jubilosa del beso” (Alfredo Carlino. Evocación del baile en el barrio). The tango is usually called Argentinean, but in fact it is “porteño”, belonging to the capital of Argentina. A lot of tango’s researchers claim that only the citizens of Buenos Aires can fully understand the sense of tango [2, 167–170].

In the poetry it is mentioned the approximate time when the tango was created and names of the streets and parts of Buenos Aires are specified: “Nació en los Corrales Viejos,/allá por el año ochenta./Hijo fue de una milonga/y un pesao del arrabal” (Miguel A. Camino. Chaquiras. El tango), “La cosa jué por el sur/y aconteció n’el ochenta,/aya en los Corrales Viejos,/por la caye de la Arena ... Jué un domingo, en los Corrales/cuando inventaron el tango” (Francisco García Jiménez. Jue un domingo, en los corrales), “Yo soy el tango... /Mi barrio fue Villa Luro,/mi academia fue el canyengue...” (Enrique Cadícamo. Yo soy el tango).

Thus, as the study shows, the Argentinean poetry of the early XX century demonstrated the dynamics in the development of the poetic images. The key images in the Argentinean poetry of the mentioned period are the Pampa, the city, the conventillo and the tango. As the social state of the country changes, the appearance of new ethno specific images as well as the traditional images with new connotations is observed.

References:

1. El pequeño Larousse ilustrado – 2006/[Dirección editorial N. L. Cayuela]. – Barcelona: Spes Editorial, S. L., 2005. – 1824 p.
2. Lara Tomas de, Panti Ronsetti de, Leonilda Inés. El tema del tango en la literatura argentina. – Buenos Aires: Ediciones Culturales Argentinas, 1981. – 534 p.
3. Machain R. H. El origen de la etnia argentina (Ensayo). – [Електронний ресурс]/Ricardo Hector Machain//<http://www.monografias.com/trabajos50/etnia-argentina/etnia-argentina.shtml>
4. Nuevo diccionario lunfardo/[Director de la obra J. Gobello]. – Buenos Aires: Corregidor, 1991. – 284 p.
5. Лисюк Н. А. Міфологічний хронотоп: Матеріали до курсів “Міфологія”, “Міфологія слов’янська і світова”/Наталія Анатоліївна Лисюк. – К.: Український фітосоціологічний центр, 2006. – 200 с.
6. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика/З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
7. Смуцинська І. В. Суб’єктивна модальність французької прози/Ірина Вікторівна Смуцинська. – К.: Видав.-поліграф. центр “Київський університет”, 2001. – 255 с.

Kostiuk Maryna Mykolaivna,
Ph.D. in Linguistics, Assistant professor,
Department of French philology, Institute of Philology,
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine
E-mail: maryna.kostiuk@gmail.com

The language of French symbolism

Abstract: This article is dedicated to the study of artistic symbols in the poetry of French symbolism of the late 19th and the early 20th centuries, viewed from the linguopoetic perspective. French symbolism is a literary and artistic movement that was formed at the end of the 19th century; its essence is seen in how representatives conveyed their feelings and thoughts in the form of artistic symbols that have numerous variations and are therefore open to various subjective interpretations.

The classification of all artistic symbols in the poetry of French symbolism into traditional and individual symbols is proposed. The thesis singles out eight groups of traditional symbols. The processes of symbolization and verbalization of the artistic symbols on different levels of language are analyzed.

Key words: French symbolism, artistic symbol, artistic image, linguopoetics, symbolization.

French symbolism is a literary and artistic direction that occurred within romanticism and the decadence of the mid-nineteenth century. The main point of this trend is that its representatives conveyed their feelings, experiences and thoughts in the form of artistic symbols, the main features of which are suggestibility, figurativeness, musicality, creative intuition, spiritual accent and singularity.

The official birth of symbolism was in 1886, when a new manifest of symbolism appeared (written by Jean Moreas). Nevertheless, the basic principles of the aesthetics of symbolism were developed by Charles Baudelaire long before its official appearance. The main representatives of symbolism are Paul Verlaine, Stephane Mallarme, Jean Moreas, Remy de Gourmont, Gustave Kahn, Saint-Pol Roux et Rene Ghil [5].

An innovative and ambiguous system of values, developed by poets, was taken from the symbolist's perception of life, where the artists describe their sense of reality with the help of symbols. That is why the poets were called Symbolists, though they refused to adhere to any certain direction or school, so their aesthetics have remained vague and unclear.

An artistic symbol is the highest level of an artistic image that is characterized by generalized meaning, ambiguity, semantic depth, reproducibility, the ability to gain additional meanings, connection with a certain cultural code. The ambiguity of

symbol is in its demonstrative irrationality, semantic uncertainty and the possibility to a number of subjective associations.

An artistic symbol as the highest level of an artistic image in a poetic text has a complex structure and presents some denotative and connotative issues. Some meanings are fixed in the dictionaries, while some occasional connotations can be determined only by the context, which sometimes prompts the meaning of the symbol or makes it even more unclear and confusing.

For example, in the poem of Paul Verlaine "*Chanson d'automne*", the denotation "*l'automne*", and there are also a lot of connotations: "*la tristesse*", "*la mélancolie*", "*la solitude*":

Les sanglots longs

Des violons

De l'automne

Blessent mon cœur

D'une langueur Monotone" (Paul Verlaine. «*Chanson d'automne*»).

The creative work of French Symbolists is characterised by usage of two basic types of symbols — traditional symbols and individual symbols. Traditional symbols are those that are of ancient origin, function for a long historical time and are repeated in various texts of different epochs and authors.

In the work of the French Symbolists eight groups of traditional symbols dominate: Biblical symbols

(*ange, néant, paradis*), symbols of nature (*brouillard, fleur, forêt*), archetype symbols (*air, eau, feu, terre*), symbols of art (*cygne, livre, muse*), symbols of time (*crépuscule, nuit, soir*), symbols of feelings (*cœur, coquillage*), symbols-numbers (*deux, trois, sept*) and symbols of objects (*éventail, montre, roue*). The dominance of these groups indicates the willingness of poets to depict some important things. So we can single out four important topics for poets: religion, nature, time and feelings. The correlation of symbols results in three combined groups: *religion — nature; nature — feelings; art — time*.

For example, a symbol *bird* is a widespread symbol of spirit and soul, the divine manifestation in the ancient world, which has its importance in the Christian tradition. However, this symbol has different meanings depending on the country and its culture. Thus, for Ukrainians, the bird is a symbol of well-being, happiness and love for the home land; for Russians — loyalty, for the Chinese — longevity and good luck; for Hindus — intelligence; for the Japanese — creativity, and so on [3].

Individual symbols reveal the extraordinary style of the writing of French Symbolists [2]. They use symbols in allegorical contexts to convey varying interpretations. Every French poet has his own set of visual techniques that serve to reproduce his thoughts and experiences. In the poetry of French symbolists there are 20 dominant symbols: *automne, azur, brouillard, chemin, ciel, cœur, cygne, éventail, fenêtre, fleur, hiver, lac, laurier, livre, mer, nuit, ombre, or, soir, ville*.

The symbol *bird* is related to images of heaven, eternity and freedom. Every poet chooses his own bird to symbolize his attempt to resolve his conflict with the philistine world. Some examples are: Charles Baudelaire — albatross, Alfred de Musse — pelican, Stéphane Mallarmé — swan, Paul Verlaine — sea gull.

Also, Paul Verlaine in his poem “*Je ne sais pourquoi*” uses this symbol:

*Mouette à l'essor mélancolique,
Elle suit la vague, ma pensée,
À tous les vents du ciel balancée,
Et biaisant quand la marée oblique,
Mouette à l'essor mélancolique*” (Paul Verlaine. «*Je ne sais pourquoi*»).

The basic technique of French symbolism is a contextual mixing of multi-level artistic means. Lexical and stylistic features indicate the original creative manner of French Symbolists that consists in the free operating of tropes, figures and other stylistic techniques. Among the most widespread tropes we can single out are metaphor and comparison. In their poetry, comparison, allusion, euphemism, hyperbole, irony, litotes, and rhetorical questions dominate. For example, in the poetry of Stéphane Mallarmé, such tropes as metaphor and comparison are of a great importance:

*De l'éternel azur la sereine ironie
Accable, belle indolemment comme les fleurs,
Le poète impuissant qui maudit son génie
À travers un désert stérile de Douleurs* (S. Mallarmé. «*L'azur*»).

The poets used various phonetic tools that enhance the expressiveness of poems and their emotional and aesthetic impact: the use of rhyme and rhythm, the usage of different figures of speech (alliteration, assonance). Symbolists focused on creating a special rhythm of poetry that has very expressive, figurative and symbolic functions, that is why in their poetry an unusual accent and atypical syntactic constructions dominate [6].

Alliteration and assonance are the dominant techniques redundant in the poetry of most French Symbolist. For example, S. Mallarmé uses an alliteration of the sound [r]:

*“Et toi, sors des étangs léthéens et ramasse
En t'en venant la vase et les pâles roseaux,
Cher Ennui, pour boucher d'une main jamais lasse
Les grands trous bleus que font méchamment les oiseaux”* (Stéphane Mallarmé. «*L'azur*»).

A graphic feature of the French Symbolist poetry is the writing of some key words with a capital letter, in bold or italic, change of size of a letter. In order to express some emotions and feelings the poets often use dashes, pauses, ellipsis, exclamations and questions [4]. The lack of punctuation and graphic imagery is an important feature of the poetry of most Symbolists. Poets refused the classical form of verse and chose a “*vers libre*”.

For example, Saint Paul Roux in the poem “*Le paon*” does not use rhyme at all, but thanks to adroit selections of words and rhythm, the poetry is melodic and harmonic:

*Le long de cet escalier sans fin comme l'échelle d'Ezéchiel,
s'épanouit un Paon dont la queue triomphale étale
un essaim d'yeux fabuleux; le splendide oiseaux,
néanmoins,
pèche par le sarment de sa démarche et par le verbe
dérisoire*

*que le lézard de son col fiche ainsi qu'une écharde
en l'éparse harmonie" (Saint-Pol-Roux. «Le paon»).*

The means of syntax are diverse and contradictory at the same time. On the one hand, the poets admix the syntax so the poem becomes really incomprehensible, on the other hand, they also use simple structures. Syntax figures that dominate in the poetry are anacoluthon, prolepsis and syntactic repetitions.

The poetry of French symbolism is characterized by the use of the first person singular pronoun. Additionally, negative constructions utilize great expressiveness.

*Je ne regrette rien, ni des lauriers superbes
L'honneur qui m'était dû,
Ni cet heureux plaisir, fait de fruits et de gerbes,
Comme un vin répandu (J. Moréas. «Je ne regrette rien»).*

To express some important emotions the poets used an exclamation and question points. Thus, the exclamation point can be used to indicate a personal and emotional attitude of the poet towards the message (call to action, irony, anger, etc):

*Majestueux Néant des choses abolies!
Sépulcre des Grands et linceul des Folies!
Gouffre vorace! Mer insondable! Lac noir!
Oubliette creusée au ventre du manoir! (Stanislas
de Guaita. "L'Oubli").*

In conclusion, the French symbolism is an important literary movement in the World's history.

References:

1. Biedermann H. Dictionary of symbolism/Hans Biedermann. – N. Y.: Penguin Group, 1992. – 465 p.
2. Campa L. Parnasse, Symbolisme, Esprit nouveau/Laurence Campa. – P.: Ellipses, 1998. – 120 p.
3. Cirlot J. E. A Dictionary of Symbols/Juan E. Cirlot. – L.: Routledge and Negan Paul, 1973. – 420 p.
4. Cuddon J. A. The Penguin Dictionary of literary terms and literary theory/J. A. Cuddon. – L.: Penguin Group, 1998. – 991 p.
5. Fowlie W. Poem and symbol: a brief history of French symbolism/Wallace Fowlie – Pennsylvania: State University Press, 1990. – 164 p.
6. Fromilhague C. Les figures de style/C. Fromilhague. – P.: Nathan, 1995. – 128 p.

Section 4. Slavonic languages

*Kovtun Albina Anatoliivna,
Y. Fedkovych Chernivtsi National University,
Candidate of Philological Sciences, associate professor
of the department of the History and Culture of the Ukrainian language
E-mail: albkovtun500@gmail.com*

Processes of the church-terminological lexicon determinologization in the Ukrainian language

Abstract: The subject of our article is the question of development of polysemy in the Ukrainian frequency names of liturgical objects outside the field of application. The study involves finding out the main features of these names determinologization.

Keywords: lexeme, semantic component, polysemy, determinologization, lexicography.

For the Ukrainian nation the sphere of religious notions has always been a «source of metaphorical innovations» [5,8], since the frequency of the usage of the Ukrainian religious vocabulary has always been high – from the beginning of Christianization till the modern renewal of its active and passive fund, forms of usage, etc. Even in the era of the fight against religious prejudices the religious layer of vocabulary has remained an important part of mental lexicon, objectivizing the significant fragments of the Ukrainian spiritual life reality. And involvement of the religious-linguistic experience of the society in the speech beyond its «native environment» (in everyday language, journalism, fiction, etc.), according to the researchers, shouldn't be considered as the lever of the depletion of the religious sphere in people's life, but as means of the development of new forms of communication [1].

The religious vocabulary cannot be called a new object for research: in post-soviet times the study of its history and functioning in both special and secular speech was activated. In particular, N. Puryaeva indicates that one of the expressions of interaction between the common vocabulary and the church-terminological lexicon are determinologization processes. The researcher also points out that these processes had influenced the least the group of names of liturgical objects:

«Determinologization of church-ritual terms (in particular the names of liturgical objects) was accompanied occasionally with the appearance of non-terminological common meaning <...> In general, the output of church-ritual terms beyond their special usage into the general literary speech took place without changing their semantics» [4, 11]. The subject of our article is the question of development of polysemy in the frequency church-ritual terms – the names of liturgical objects that was formed due to their acquirement of additional lexical-semantic variants (sememes) of commonly used purpose (and in this new function of the term its determinologization takes place). Our task is to elucidate the language mechanism of such determinologization.

Let's demonstrate the tendency of the lexemes from the religious sphere to acquire commonly used meanings on the examples of several names for liturgical objects. For a long time a lexeme *елей* (*unction*) that was borrowed from the Greek language (ἔλαιον) through Old Slavonic was functioning in the direct meanings (see e.g. [6, 278]): in general «the olive oil» (*Лампадка без елея и без души тѣло, / Тако и вѣра без дѣл некрасна всецѣло. - A lamp without unction and a body without soul/So is also faith without action not entirely beautiful* (from Ukr. poetry of the XVIII century)) and in special (religious) «the oil for church rituals (fragrant oil

of myrrh, cinnamon, cane, bay trees and olive oil)» (А це прошу прийняти й записати на монастир мою малу лепту: ладан, смирну і **елей**, – промовив нишком. - And this I ask to accept and write for the monastery as my small contribution: frankincense, myrrh and **unction**, – said quietly (I. Nechuy-Levyts'kyi)). From the XX century the dictionaries also register the figurative meanings as a result of multiple usage of the lexeme *елей*: «something that soothes, comforts, praises» (Ці слова мастили **елеєм** мені серце. – These words smeared my heart with **unction** (V. Shevchuk)) and «apparent meekness, insincerity, sweet news» (Ювілейний **елей**. – Jubilee **unction** (V. Symonenko)). In the development of semantics the metaphorical transfer of meaning is noticeable, in particular characteristics shift of religious realities in non-religious. Within terminological meaning the lexeme *елей* had clearly defined distributional parameters: evaluative adjectives (*елей* – пахучий, дорогий, благоговійний – **unction** – fragrant, expensive, reverent), verbs with the meaning «a function aimed at an object» (*елей* – помазати, святити, текти – **unction** – to anoint, consecrate, flow) that filled the whole amount of semantic structures of religious sememe. In the combination with other lexemes (То батогом/Жене в обліз, а то **елеєм** манить. – Sometimes he chases with a whip to a field, and then **lures** with **unction** (M. Kolodii); **Розводити** *елей* (про кого-небудь) – To **dilute** **unction** (about somebody)) the actualization of semantic components from the definition of a main (religious) meaning of «the oil for church rituals» takes place but with some modifications: 'usefulness' (in a religious meaning – usefulness from the ceremonial and symbolic protection of Christians, healing for the sick and disabled, and in commonly used meaning- it's a benefit that depends on someone's will); 'exclusiveness' (in the religious meaning exclusiveness is related to the complexity of the combination of rather expensive ingredients of the ceremonial oil, method of its production, and in commonly used meaning – exclusivity of somebody's privilege, attractiveness, etc.). The update of the peripheral unit of the religious meaning of the lexeme *елей* influenced the change of semantic field «a specific name (matter) – an abstract name (praise, pleasure, insincerity)». The creative efforts of the native speakers are aimed at overcoming the

usual syntagmatic term. Beyond this syntagmatics the term loses its signified and definitive properties that are caused by the tendencies of the development of the language preferences of a certain age. According to our research, the popularity of the involvement of the religious vocabulary in microcontexts of ironic sphere isn't lessened: updating the compatibility of religious vocabulary in the colloquial speech native speakers change its functional status. Thus, recently, in 2012, authors of one of the latest Ukrainian explanatory dictionaries [6], after making sure there's a high enough frequency of the usage of the figurative meaning «apparent meekness, insincerity, sweet news» of the lexeme *елей*, fixed this meaning in the dictionary (using the adjective *елейний* (*unctuous*)) and a similar meaning has been already fixed in dictionaries earlier: «insincerely gentle, seemingly pious» (*елейний* голосок, *елейний* вираз обличчя – *unctuous* voice, *unctuous* expression) [7, II, 498].

It's impossible to foresee all the renovations of compatibility of words: during every specific nominative act particular semantic units are created. They contain only a part of denotatum, and in many derived meanings the speakers represent their own creativity, associations that often have subjective concepts through their inner form. That's why in the material under our research, apart from figurative meanings of determinologized names of liturgical objects, we noticed a number of figurative usages of such names – «this is either a trail of former usages of a word that didn't create a separate meaning, or a new usage of one of the meanings of this word» [3, 22]; they were not fixed by lexicographers as usual, however, let's note that the criterion of fixation/non-fixation in dictionaries is insufficiently reliable for distinction of figurative meanings and figurative usages since, according to our observation, there are many commonly known figurative meanings in Ukrainian that are forgotten by lexicographers without reason, e. g. lexemes *чернець* and *черниця* (*monk* and *nun*) that are known in figurative meaning «hermit – anchoress», but in dictionaries they are provided only for the lexeme *чернець* (*monk*) [7, XI, 311] or are not presented at all [7, 1269].

There are many determinologized figurative uses of the names of liturgical realities, e. g., *Щоб слово пламенем взялось <... > Те слово, Божеє ка-*

дило,/**Кадило істини**. – In order for the word to burn <...> That word is a God's **incensory**,/**Incensory** of the truth (T. Shevchenko). Speakers «push» out of their arch-memory the smallest parts of religious meaning that are charged with the powerful sacral energy which causes transformation of the word semantic structure. And redistribution of its elementary meanings «resembles the chemical reaction the result of which may be the «ejection» of a new/unexpected meaning-symbol to the surface» [2, 179]. Examples of symbolic meanings: **ладан**, **смирна** (*frankincense, myrrh*) – the symbol of peace and calmness: *Думаєш, фашисти принесуть ладан і смирну? Болячку і погибель принесуть вам.* – Do you think the fascists will bring **frankincense and myrrh**? Disease and death they will bring to you; **ікона** (*icon*) (M. Stelmakh) – the symbol of idolatry: *Коли їм (росіянам. – А. К.) забрали одні ікони, вони знайшли собі інші...* (O. Zabuzhko) – When one **icon** was taken from them (the Russians. – А. К.), they found themselves another one; **пуза** (*chasuble*) – a symbol of conscience: «Стара» еміграція <...> її руки і **пузи** були чисті від будь-яких підкорень, компромісів. – The «old» emigration <...> its hands and **chasubles** were clean of any conquests, compromises; **пуза** (*chasuble*) (I. Dziuba) – a symbol of the priest's title: **Пузо, пузо!** Як небагатьох ти опреподобила! Як багатьох ти зробила нечестивими, зчарувала. – **Chasuble, o chasuble!** So many you have made righteous! So many you have charmed and made them sinners (from the newspaper The Mirror of The Week”, 2002, № 46). Thus symbolism is one of the important features of determinological processes in the names of liturgical realities and the speakers' appeal to them as the carriers of the ultimate truth with the aim of depicting the nature of denotata.

Non-terminological formations entered the group of vocabulary due to the special attitude of Ukrainians to every liturgical reality. Thereby the writers can develop individual metaphors with the festive flair and positive expression. E. g. with the help of lexeme **корозва** (archaic **хоругов**) (*gonfalon, banner*) one can well portray the beauty of the native nature: *Ось річка, що має чотири броди, ось і принишкле село з **корозвами** тополь.* – Here is the river that has four fords, and here's the village fallen silent

with the **banners** of poplars (M. Stelmakh); *Обабіч липового шляху, як і колись, з пагорба на пагорб підіймалися **корозви** молодого жита.* – On both sides of linden way just like before the **banners** of young rye were raising from one hill to another (M. Stelmakh); *Небесна синя **хоругов** нам вигріла на вічному осонні і щедри очі, й радісні долони.* – The sky blue **banners** warmed us the eternal sunlight and generous eyes, and merry palms (V. Stus); <...> *досвітку рожева **хоругов**.* – Ne dawn's pink **banner** (V. Stus).

It's necessary to recognize, that in the Soviet Union it was possible to use the names of liturgical realities for the amplification of the negative perception of a signified phenomenon by the society that was raised on different cultural values: *Святи його, братва, **святою водою!*** – гукнув Македон, регочучи, і раптом надів на голову цеберку з **помями**. – Bless him, lads, with **holy water!** – Makedon shouted laughing and suddenly he put on his head a bucket with **slops** (O. Kopylenko). These enantiosemic usages «expose» the primitive intellect and the level of education of ideological speakers and neutralize the sacral concepts. However, if the speaker felt that the religious name wouldn't fully express the expressive-pragmatic organization of the text needed for recipients, then he could substitute this name with more expressive means. E. g., in a context *Та барахло яке ж прекрасне – рясцi, свічки, паникадила, **парфуми** й ціле барило горілки.* – And that junk is so beautiful – robes, candles, incense, **perfumes** and whole barrel of vodka (O. Kopylenko) the speaker uses ironically the lexeme **парфуми** (*perfumes*) with a prominent denotative seme 'pleasant fragrance' instead of **ладан**, **елей**, **смирна** (*incense, oil, myrrh*). This kind of substitute reproduces the feeling of speaker's euphoria from the found **барила горілки** (*barrel of vodka*) among church implements that the speaker calls **прекрасне барахло** (*beautiful junk*), using oxymoron.

We assume that the perspective aspect of the research of semantic development of liturgical names is the study of mechanisms of formation of modern neologisms of the type **фешн-ікона** (*fashion-icon*) (*Брайан Джоунс був геніальним митцем, поп-зіркою, **фешн-іконою** та бабієм.* – Bryan Jones was a genius artist, pop-star, **fashion-icon** and a womanizer (from the site of the movie news – kino-teatr. in. ua, 2009)).

References:

1. Nagurko A. Will we face the decay of the feeling of sacral? Secularization of the Polish language on the background of the neighbours' languages//<http://www.slawistik.hu-berlin.de/member/anagorko/poczucie-sacrum>
2. Alefirenko N. „Living” word: The problems of functional lexicology, Moscow, 2009.
3. Vinogradov V.V. The main types of the lexical meaning of the word//Questions of Linguistics, 1953, № 5.
4. Puryaeva N. V. The formation of Ukrainian church-ritual terminology (the names of liturgic objects): Abstract from PhD. diss., Kyiv, 2001.
5. Taranenko O. O. Polysemic parallelism and a phenomenon of sematic analogy, Kyiv, 1980.
6. Dictionary of the Ukrainian Language, edited by V. V. Zhaivoronok, Kyiv, 2012.
7. Dictionary of the Ukrainian Language: In 11 volumes, Kyiv, 1970–1980.

Section 5. Theory of language

*Bigeva Larisa Halidovna,
Senior lecturer, Kuban Staatliche Universität für
Kultur und Kunst, Fakultät für Sozial-humanistischen Bildung,
Lehrstuhl für Theorie und Praxis der interkulturellen Kommunikation
E-mail: bigeva_l@mail.ru*

Category “emotionality”, “expressivity” as objects of linguistic research

Abstract: This article discusses the different approaches to the understanding and the relationship of such categories as “emotional”, “emotiveness”, “expressive”, presented in the scientific literature.

Keywords: expressive, emotional, emotiveness.

*Бижева Лариса Халидовна,
старший преподаватель, Кубанский государственный университет
Культуры и искусств, факультет Социально-гуманитарного образования,
кафедра теории и практики межкультурной коммуникации
E-mail: bigeva_l@mail.ru*

Категории «эмоциональность», «экспрессивность» как объекты лингвистических исследований

Аннотация: В данной статье рассматриваются различные подходы к пониманию и соотношению таких категорий, как «эмоциональность», «эмотивность», «экспрессивность», представленные в научной литературе.

Ключевые слова: Экспрессивность, эмоциональность, эмотивность.

В современной лингвистической литературе представлены разнообразные исследования, в которых изучение экспрессивности ведётся с различных позиций и в рамках одновременно нескольких теорий, что может быть объяснено многогранностью и сложностью данного явления. На основании анализа теоретических работ, посвящённых интересующему нас вопросу, представляется возможным сделать вывод о том, что явление экспрессии можно трактовать исходя из принципиального различия функционального (речевого) и системно-структурного аспектов языка. Так, в первом случае экспрессивность приравнивается к выразительности и рассматривается как свойство речи, являясь функциональной категорией, проявляющей себя в коммуникативном акте, конструктивным приёмом, повышающим

выразительные возможности текста. Во втором случае экспрессивность оценивается как языковое явление, семантический признак слова. Таким образом, вопрос сводится к выделению языковой и речевой экспрессии.

Не противоречит нашей точке зрения и двухстороннее определение экспрессивности, данное в словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой, выделяющее адгерентную экспрессивность, т. е. «экспрессивность, приобретённую словом только в данном речевом контексте» и ингерентную экспрессивность, т. е. «внутренне присущую данному слову как единице языка» [14].

Т. В. Штатская в своей работе «Эмоции в языке» пишет, что в лингвистике в последнее время все четче вырисовывается тенденция к антропо-

центрическому описанию языка, обозначенного в ряде работ, как человеческий фактор в языке. Для антропоцентрической лингвистики главным является тезис о том, что язык по своей природе насквозь психологичен, человечен, так как он всегда сопровождает человека и выражает его. Язык человека настолько глубоко и органически связан с выражением личностных свойств самого человека, что, если лишить язык подобной связи, он едва ли сможет функционировать и называться языком [13]. Определение понятия «эмоция» является одной из важнейших проблем при исследовании частей речи, выступающих экспонентами, т. е. представителями эмоций.

В современной науке считается, что главной частью психологической сферы человека является именно эмоция, которая всегда тесно связана с любым высказыванием. Л. Г. Бабенко пишет: «Эмоции пронизывают жизнь человека, сопутствуют любой его деятельности, они — важнейшая сторона человеческого существования. Без эмоций немислим ни сам человек, ни его деятельность» [4].

Как установлено, эмоции человека имеют психологический, философский, биологический, физиологический, лингвистический аспекты, и любой из них изучается в своей отрасли. Естественно, что каждая из этих наук даёт собственное определение эмоциям, и из-за своей многоаспектности эмоции как научный объект не могут до настоящего времени получить универсальное толкование.

Изучение эмоций в лингвистике невозможно без участия достижений других наук. Сложно представить, что лишь языкознание способно дать исчерпывающий анализ языка, в том числе и эмотивности, как одной из его системных и функциональных характеристик. Поэтому эмоциональность как психический процесс требует интегрированного подхода к его изучению, объединения усилий учёных разных специальностей и осмысление результатов его изучения в смежных науках [6].

Этимологически термин «эмоция» обозначает переживание, с латинского «*emovere*», что значит «волновать». В «Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова лексема «эмоция»

обозначает «душевное переживание, волнение, чувство (часто сопровождаемое какими-нибудь инстинктивными выразительными движениями) гнева, печали, радости...» [11].

Для лингвистической концепции эмоций релеванты такие замечания: «Определение специфичности эмоций как переживания событий и отношений в противоположность когнитивным процессам как знанию об этих событиях и отношениях недостаточно уже хотя бы потому, что оно описывает эмоции в терминах именно видовых характеристик и не включает в себе родового признака. Это определение по сути тавтологично. В значениях слов «переживать» (даже с уточнением: «переживать свои отношения»), «чувствовать», «испытывать эмоции» трудно указать сколько-нибудь ясные и определённые различия» [8].

Выделяют три основных функции эмоций: отражательная, регуляторная (противоположна отражательной) и когнитивная. Словесные образы различных модальностей составляют сенсорно-перцептивный фундамент речи как психического процесса. Вступая во взаимодействие с различными уровнями когнитивных, эмоциональных и регуляционно-волевых процессов, эти образы осуществляют свою интегративную функцию внутри каждого из классов психологической триады, а затем и функцию межклассового интегрирования. Эти внутри- и межклассовые связи формируют систему речесенсорных, речеперцептивных, речемыслительных, речеэмоциональных, речерегуляционных, речемнемических, речеимажинативных и речепривлеченционных процессов [6].

Необходимо отметить, что проблема эмоций привлекала внимание многих учёных, а особенно психологов и психоаналитиков, таких как С. Л. Рубинштейн, Б. О. Спиноза и др. Также много лингвистов, проявляют интерес к проблеме эмоций: Л. Г. Бабенко, Н. А. Лукьянова, Е. Ю. Мягкова, М. А. Широкова и др.

Эмоции и чувства возникают в процессе взаимодействия личности с внешним миром. Эмоции и чувства — это разнообразные переживания человека, в которых отражаются его жизненные отношения с внешним миром и отношения с другими людьми. Своеобразие отражения заключается в том, что и как в переживаниях отражается. Эмо-

ции и чувства представляют определенный процесс, который происходит во времени, и в то же время психическое состояние личности. В этом состоянии мы указываем, говоря о том или ином человеке, что она спокойная, взволнована, потрясенная, смущенная, веселая, угнетена т.д. Чувство выступает и как свойство человека, что проявляется в ее более или менее устойчивом положительном или отрицательном отношении определенных объектов, людей, сфере деятельности. Эмоции и чувства имеют большое значение в жизни человека.

В настоящее время актуальным и одним из самых сложных в области языкознания является вопрос отображения в языке эмоциональных явлений, выявления особенностей языкового поведения говорящего с учетом его эмоционального состояния и коммуникативных потребностей. Большое количество современных исследований направлены на изучение роли и места человека в языке, связи языковой формы с умственной и эмоционально-психической деятельностью человека. Познание объективной действительности происходит через проявление субъективного начала в языке посредством эмоциональности.

Начиная с середины XX века учеными различных лингвистических школ и направлений было осуществлено большое количество разноаспектных исследований элементов языковой структуры в аспекте проявления эмотивности и экспрессивности. Наиболее важными направлениями в области исследования экспрессивности можно назвать следующие:

1) соотношение экспрессивности и эмоциональности; экспрессивности и оценочности; экспрессивности и образности; экспрессивности и интенсивности; состав коннотации экспрессивного слова;

2) экспрессивность, возникающая благодаря возможностям семантической структуры слова: при метафоре и метонимии;

3) экспрессивность, создаваемая морфологическими средствами языка;

4) экспрессивность, создаваемая средствами экспрессивного синтаксиса;

5) функционирование экспрессивных средств в поэтическом;

6) парадигматические и синтагматические отношения экспрессивных средств;

7) возникновение новых смыслов, расширение семантической структуры языковых средств;

8) средства создания экспрессивности, представленные ключевыми словами, константными элементами текста;

9) отражение в семантике экспрессивных средств ценностного отношения, языковой картины мира.

Несмотря на большое количество лингвистических студий, в современном языкознании отсутствует единство мнений касательно определения сущности понятия «экспрессивность», его функций и связи со смежными категориями — эмоциональностью, оценочностью, интенсивностью, образностью.

Основоположником современной концепции и методов исследования экспрессивных факторов речи считают французского ученого Шарля Балли, для которого экспрессивность является эмоциональным восприятием действительности и стремлением передать его адресату. Благодаря ассоциациям, порождённым «присутствием в памяти выражений, аналогичных данному, создающих своего рода бессознательную синонимию» [1], возникает большое количество экспрессивных средств и способов выражения чувств и отношений. Именно эта множественность и составляет основную проблему экспрессивности.

Экспрессивность (от лат. *expressio* — выражение) представляет собой «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [2].

По мнению И. В. Арнольд, экспрессивность выражается в способности текста или части текста передавать значение с увеличенной интенсивностью для отображения внутреннего состояния говорящего. Результатом такой интенсивности является эмоциональное или логическое усиление, которое может быть или не может быть образным [2].

Среди основных направлений в определении понятия экспрессивности можно выделить следующие:

1) в основе экспрессивности находится противопоставление;

2) экспрессивность — это семантическая категория, синтез дополнительных смысловых оттенков, которые прилагаются к основному значению слова и выполняют не номинативную, а характеристическую функцию;

3) экспрессивность — это субъективная модальность, отображение в содержании языковых сущностей эмотивного отношения субъекта речи к элементам внешнего или внутреннего мира человека;

4) экспрессивностью выступают средства речи с целью предания ей выразительности, эмоциональности и влиятельности;

5) экспрессивность — это языковая категория, которая возникает только в тексте и не может быть значением.

Категория экспрессивности включает в себя такие компоненты: интенсивность проявления признака, оценку, эмотивность, стилистическую маркированность, ассоциативно-фонтовую информацию, образно-мотивированную основу наименований. Каждый из компонентов является своеобразным усилителем типов языковой информации.

В современном языке экспрессивность обеспечивается благодаря: структурно-языковым средствам, разнообразным способам и приемам стилистической обработки языковых элементов, применению синтаксических фигур и использованию тропов [10].

Экспрессивный фонд языка достаточно богат и разнообразен, а его элементы функционируют на разных уровнях языковой системы. Категория экспрессивности «касается всех сфер и арсеналов языка» [12].

Экспрессивная функция как одна из функций языкового знака состоит в способности выражать эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к предметам и явлениям действительности. Адекватное выражение и восприятие заданного смысла осуществляется благодаря тесной связи экспрессивной функции с номинативной и коммуникативной функциями. Экспрессивность является одним из самых важных условий реализации прагматической функции. Проявление экспрессивности имеет многоаспектный характер, поэтому заслуживает внимания исследователей на различных уровнях: фонетическом, уровне слова, уровне высказывания.

Список литературы:

1. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале англ. языка): учебное пособие/О. В. Александрова. – М.: Высш. шк., 1984. – 211 с.
2. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблемы экспрессивности/И. В. Арнольд//Экспрессивные средства английского языка: Сб. научных трудов ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Л.: ЛГПИ, 1975. – С. 11–20.
3. Балли Ш. Французская стилистика/Шарль Балли; пер. с фр. яз. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда; вступ. ст. Р. А. Будагова. – М.: Изд-во. иностр. лит., 1961. – 394 с.
4. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке Свердловск, 1989.
5. Большой немецко-русский словарь. В 3 т./авт.-сост. Е. И. Лепинг, Н. И. Филочева, М. Я. Цвиллинг и др.; под общ. рук. О. И. Москальской. М., 2006.
6. Буянова Л. Ю., Нечай Ю. П. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации: Монография. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.
7. Васильев Л. М. К вопросу об экспрессивности и экспрессивных связях. – Славянский филологический сборник (Уфа), 1962, вып. 9, № 3, С. 107–118.
8. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998.
9. Васильев Л. М. К вопросу об экспрессивности и экспрессивных связях. – Славянский филологический сборник (Уфа), 1962, вып. 9, № 3, С. 107–118.
10. Лингвистический энциклопедический словарь/Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

11. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. М., 1996.
12. Чайковский Р. Р. Общая лингвостилистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса. – Учен. зап. 1-го МГПИИЯ им. Тореза, 1971, т. 64.
13. Штатская Т. В. ЭМОЦИИ В ЯЗЫКЕ // Современные наукоемкие технологии. – 2010. – № 4 – С. 64.
14. Bigeva L. H. Kategorie Expressivität und Ihre Arten // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria. № 11–12. (November–December). 2014. P. 181–182.

*Korobkina Natalia Igorevna,
Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia,
Candidate of Philological Sciences, Docent,
Institute of Foreign Languages, Department of Linguistics
E-mail: nataliakor88@yahoo.com*

Contemporary occasional word-formation in the cognitive aspect: basic theses of the conceptual integration's theory

Abstract: The basic theses of the conceptual integration's theory are examined. Contemporary occasional word-formation is analyzed as a result of conceptual integration.

Keywords: cognitive linguistics, conceptual integration, conceptual blends, occasionalism (nonce word), occasional word-formation.

Interestingly that being the most dynamic phenomenon of the secondary nomination, formation of nonce words (occasionalisms) is the evidence of the derivational processes, which are constantly proceeding in any language. Although derivatives under consideration are located “at the norm border”, their analysis seems to be very significant: it allows deeper comprehension of the derivational potential of certain language units as well as the cognitive processes, lying in the basis of word-formative motivation.

In our opinion, conceptual integration is one of such processes. It is generally known that this logical operation belongs to logical semantics and is analyzed by this paradigm. Conceptual integration takes place every time, when a new contextual notion is formed from a mixture of two mental spaces in a human subconsciousness. It becomes the object of the linguistic interest, including this article, because of language conceptualization as an enrichment of notions' semantics by features, which are borrowed from the semantics of language indices, which lexicalize these notions. It means that a notion is immersed into the language and culture as part of it.

Thereupon one wants to notice that by dint of contemporary occasional word-formation a tendency of creation and expansion of conceptual blends (mental results of conceptual integration) is the evidence of a language creation's liberation on the whole and effective advance of individual creation into the national language. Undoubtedly, intense coverage and study of all this is needed, part of which is represented in the given article.

To begin with, it is important to give the definitions of nonce words and occasional word-formation, which are relevant for this very article. So we suppose that occasional word-formation represents a process of nontrivial nominative units' creation, when these new words influence the recipients by their structure, semantics, emotional, cognitive and pragmatic potential. In other words occasionalism is a word or word combination, which has never existed before, which appears and is displayed in the speech with its constant novelty in the course of time and outside the conditions of the birth, which possesses a form and a meaning and expresses a definite notion. At the time of the birth any occasionalism is characterized by the appearance in a concrete communicative

situation, by the occasional creation and lack of broad (frequency) situational functioning (see more in [3]).

Here are some examples of nonce words, which have recently appeared in the communicative space of the contemporary English language (all the examples with the definitions are taken from [6]): **denim breaker** — *a person who breaks in a pair of jeans for someone else to wear*, **glanceability** (**glance** + **ability**) — *a quality that enables something to be read or understood with just a glance*, **shaleionaire** (**shale** + **millionaire**) — *a person who owns land that sits over a shale deposit and has become rich by leasing that land to a company that extracts natural gas from the shale*.

It goes without saying that the investigation of contemporary occasionalisms is not an exception from the list of the problems carried out by cognitive linguistics. Taking into account the basic theses of the conceptual integration's theory (or the theory of blending), developed by G. Fauconnier and M. Turner, it is conceived to analyze such new formations and describe their mental correlates — conceptual blends. To our mind, this theory is described in detail in the authentic scientific work of its authors [1] and in the works of Russian scholars T. G. Skrebtsova [5] and L. P. Kovalchuk [4]. Having analyzed all these papers, one would like to make their short review.

The theory of conceptual integration dates back to the middle of 90-s of the previous century. It is considered to be one of the current trends of the American cognitive linguistics, which continues the development of G. Fauconnier's theory of mental spaces. According to his scientific views mental spaces are models of discourse comprehension, they can be connected with each other via various types of relations (analogical and metaphorical projection, metonymical transfer, bond of function and meaning, etc.). Having examined mental spaces' types of interaction, G. Fauconnier has been successful in the further development of his conception and its transformation into a more wide-ranging project — the theory of conceptual integration, which he continues to develop together with an American specialist in the study of literature M. Turner.

Conceptual integration is defined by G. Fauconnier and M. Turner as a basic cognitive

operation, lied in the basis of human ability to reason, to conclude, to evaluate, to make decisions, to invent, etc. It has a distinct structure, which includes input and generic spaces as well as blended spaces or blends (conceptual). In brief the essence of conceptual integration is the following: the structures of input mental spaces are projected onto a new constructible mental space — a conceptual blend, which represents an entire, compact and easily remembered construct. Strictly speaking, conceptual blends are not identical to any of input spaces and are not reduced to the sum of their elements. Any conceptual blend adopts only a structure's part from an input space and is formed for the comprehension of a concrete situation or context. In fact it has its own new meaning. As the theory says, there is an interspatial display between input spaces, which connects similar elements and a generic space. The last one consists of elements common for both input spaces in a definite moment of conceptual integration's development. These two constituents form the part of a conceptual blend [1, 308].

Of course, conceptual integration is more often expressed at the language level, where it is necessary to talk about dual and genetically difficult nature of this process. At the mental level the semantic formation, acquired as a result of the conceptual integration, represents a conceptual blend. Meantime its verbal representation can be introduced by contemporary occasional lexical blends (**procaffinating** (**procrastinating** + **caffeine**) — *delaying or postponing something until one has had one or more cups of coffee* [6]), occasional word combinations (**white privilege** — *the alleged advantages of having lighter colored skin in a diverse society* [2]), occasional word contractions (**newwavejunior** (**new** + **wave** + **junior**) — *the name of the song contest "New Wave" for children, which annually takes place in Jurmala*) and compound nonce words (**Ebolaphobia** (**Ebola** + **phobia**) — *a strong and irrational fear of the Ebola virus* [6]). So from this viewpoint these semantic formations turn out to be senses.

The communicative space of the contemporary Russian language also abounds in various occasional nominations, which illustrate the theory of

conceptual integration in action. Let us have a look at two of them, recently found in the popular Russian social network “VKontakte” — *Dzhigurdashka* (*Nikita Dzhigurda* + *Cheburashka*) and *Snegurda* (*Snegurochka* + *Nikita Dzhigurda*). From conceptual integration’s viewpoint the mental correlates of these occasionalisms are conceptual blends. It can be explained by the following: when a new occasional nomination appears, a projection of two input spaces takes place. In the first case one observes a projection of the spaces *N. Dzhigurda* and *Cheburashka*, in the second — the spaces *Snegurochka* and *N. Dzhigurda*. Newly formed conceptual blends adopt some structure’s elements of each space: graphic representation of the famous Russian actor’s face is adopted from the space *N. Dzhigurda*, whereas graphic representation of the body’s rest part is adopted from the spaces *Cheburashka* and *Snegurochka*. As a result features “*Dzhigurdashka*” and “*Snegurda*” appear, and they do not exist in any input spaces.

It is represented to us that the basis of such nonce words is revealed besides conceptual integration via the deliberate game on contrast of two input spaces *N. Dzhigurda* and *Snegurochka*, *N. Dzhigurda* and *Cheburashka*. These two input spaces turn out to be contrasting as far as their essences reflect the social perception of *N. Dzhigurda*, on the one hand, and *Snegurochka* and *Cheburashka*, on the other. Moreover these input spaces can be described as diametrically opposed to each other. The famous Russian actor *N. Dzhigurda* is regarded rather negatively by the majority of Russian linguoculture’s representatives: a person, who uses substandard vocabulary, including public environment and TV screen; an actor, whose work is estimated as unworthy imitation of *V. V. Vysotsky*’s creativity; a person with a doubtful popularity, which he has gained after having put the clips, showing the birth of his children from *Marina Anisina*, in the internet, etc. Diametrically opposed qualities (kindness and love to the environment; purity of the speech; popularity among children and adults, etc.) are typical of *Father Frost*’s famous granddaughter *Snegurochka* and a well-known,

all favourite character of children’s cartoons *Cheburashka*.

Proceeding from it, one can state that our actual material, a certain part of which has been mentioned in the given article, allows specifying the list of the theory conceptual integration’s basic theses a bit and adding the following to it: the amount of contemporary occasionalisms containing in the basis of their mental correlates (conceptual blends) the game on the contrast can be considerably expanded in the process of further scientific researches: *frenemy* (*friend* + *enemy*), *mimbo* (*male* + *bimbo*), *adorai* (*ad* + *o* + *rai*), *blagopodlost* (*blago* + *podlost*), *dumrak* (*dumayushchy* + *durak*), *merzoblagostny* (*merzost* + *blagostny*), *nelyubvizhu* (*nenavizhu* + *lyublyu*), *strakhoradost* (*strakh* + *o* + *radost*), *smertezhizn* (*smert* + *e* + *zhizn*), *starodezh* (*staraya* + *molodezh*), *vdokhnovennaya poshlost*, *volkozayts* (*volk* + *o* + *zayts*), *vzroslyshi* (*vzroslye* + *malyshe*), *Zlobro* (*Zlo* + *Dobro*), etc. By the way the recipient of these nonce words has to possess a certain set of cognitive competence’s components, necessary for the comprehension of such new nominations.

To sum it up, one has to say that nowadays word-formation is becoming more and more occasional, when a nonce word is considered to be its basic unit. Apart from that such word-formation is still one of the sources of enrichment of the English and Russian languages’ lexical subsystems and their communicative spaces. In addition to that some occasional nominations turn out to be the result of conceptual integration. It means that a set of complicated mental operations takes place, which is united in the theory of *G. Fauconnier* and *M. Turner* under the term “conceptual integration”. Furthermore it leads to a mixture of two mental spaces in the human subconsciousness, and a new occasional nomination of compressive character appears as a result of it. Moreover mental correlates of such occasionalisms represent conceptual blends, which are possible to be regarded as new contextual notions. All mentioned above is certainly valuable for contemporary linguistic researches, and that is why its further analysis is included into the perspective of our scientific research.

References:

1. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks//Cognitive linguistics: basic readings/edited by Dirk Geeraerts. – Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. – P. 303–371.
2. Global Language Monitor. URL: <http://www.languagemonitor.com>
3. Korobkina N. I. Kontseptualnaya integratsiya kak sposob yazukovoi ekonomii: dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2013. – 295 s.
4. Kovalchuk L. P. Teoriya kontseptualnoy integratsii Zh. Fokonye i M. Turnera//Filologicheskie nauki. Voprosu teorii i praktiki. – Tambov: Gramota. – 2011. – № 1 (8). – S. 97–101.
5. Skrebtsova T. G. Yazukovye blendy v teorii kontseptualnoy integratsii Zh. Fokonye i M. Turnera//Respectus Philologicus. – 2002. – No. 2 (7). URL: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/skrebcova.htm>
6. Word Spy: The Word Lover's Guide to New Words. URL: <http://www.wordspy.com>

Contents

Section 1. The Germanic languages	3
<i>Makoviichuk Liliانا Vasilievna, Yuriy Fedkovych Chernivtsi</i>	
Nominative space of concept FRAU in a collection of stories by L. von Sacher-Masoch “Der Judenraphael”	3
Section 2. Journalism	8
<i>Semenko Svitlana Vasylivna</i>	
Coverage of major trends in Western European literature of 20–50-ies of 20 th century in literary and journalistic reviews of Yuriy Kosach	8
Section 3. Literature of peoples of foreign countries	12
<i>Bratel Olena Mykolaivna</i>	
Key images of the Argentinean poetry of the early XX century	12
<i>Kostiuk Maryna Mykolaivna</i>	
The language of French symbolism	15
Section 4. Slavonic languages	18
<i>Kovtun Albina Anatoliivna</i>	
Processes of the church-terminological lexicon determinologization in the Ukrainian language	18
Section 5. Theory of language	22
<i>Bigeva Larisa Halidovna</i>	
Category “emotionality”, “expressivity” as objects of linguistic research	22
<i>Korobkina Natalia Igorevna</i>	
Contemporary occasional word-formation in the cognitive aspect: basic theses of the conceptual integration’s theory	26